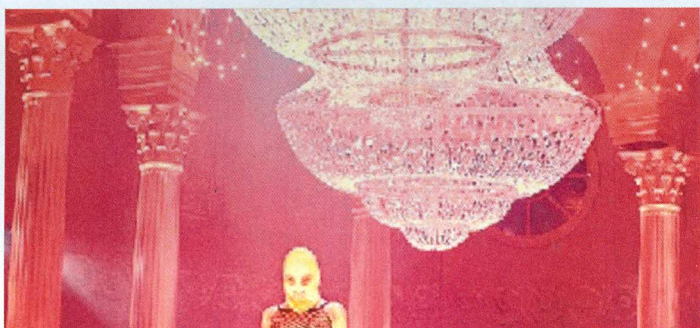

ГАЗЕТА

Опубликована 25.09.2012 в 00:00

Несочетаемые фрагменты мозаики (2)

Постановщик и художник попытались компенсировать статичность оформления сцены костюмами, однако относительно близкие эпохе решения смешались в эклектичной оргии с вариантами, рожденными свободным полетом фантазии.

фото: Лийс Трейманн

Новый «Фауст» театра «Эстония» в постановочном плане являет собой некую семиотическую мозаику, фрагменты которой происходят из разных комплектов.

В опере «Фауст» (1859) Шарля Гуно заслуживают внимания и мастерская оркестровка, и богатство мелодики, и сложные вокальные партии.

Однако гармоничность произведения нарушает поверхностный, затянутый и лишенный логики сюжет, в котором нет эпического измерения, монументальности характеров и, соответственно, серьезной драмы. Опера Гуно уже полтора столетия живет — успешно в той же мере, как и криминально — за счет капитала одноименного литературного произведения Гете.

И время от времени находятся постановщики и дирижеры, которые, переоценивая двигатель относительно опереточной мелодрамы, пытаются представить «Фауста» в вагнеровском измерении, но при этом лишь обнажают поверхность произведения и его неспособность передать более глубокие чувства или идеи.

Постановщик новой версии театра «Эстония» Дмитрий Бертман, художник Эне-Лийс Семпер и дирижер Велло Пяхн относятся к драме «Фауста», к счастью, не слишком серьезно: в содержательном плане опера разыгрывается не как трагедия с метафизическими коннотациями «ногой в лицо», а как умеренно развлекательное иносказание.

Почти все действие происходит в церкви — предсказуемый и постоянно эксплуатируемый сюжет, которому само произведение не дает ни одного обоснования. Сооруженный на сцене церковный зал эффектен, удачным можно считать и световое оформление.

Идея о качественном изменении реальности после заключения соглашения, о котором в программке заявляет Семпер, на мой взгляд, не реализована: церковь не превращается в кабаре, просто кабаре приходит в церковь (к тому же точка зрения Фауста здесь не так уж важна; а если бы и была важна, то в самом зародыше убила бы остальную драму).

Поскольку все пространство сцены — видимо, и ресурс — отдано картине церкви, то почти половина сцен поставлена на фоне ни о чем не говорящих и не имеющих никаких обобщающих характеристик мест авансцены, появляющихся в результате вращения сцены (за исключением тюремной картины). Полагаю, что и картина Вальпургиевой ночи не была включена, скорее, по экономическим, чем художественным соображениям.

Семиотический хаос

Порожденную оформлением сцены статику Бертман и Семпер попытались преодолеть при помощи костюмов, в случае с которыми относительно точно соответствующие эпохе решения в эклектичной оргии смешались с набросками, рожденными свободным полетом фантазии.

Именно в этом явно проступает то, что Бертман и Семпер ставили каждый характер и каждую сцену отдельно, либо не желяд, либо будучи (к тому же) не видящее целое.

Из-за этого в произведении возникает слишком много слоев со значениями, между которыми не происходит какого-либо диалога.

Постановка швыряет в сознание публики знаки политического, религиозного и поп-культурно происхождения, но не дает кода ни для их толкования, ни — что еще важнее — для их соединения. Новый «Фауст» театра «Эстония» в постановочном плане являет собой некую семиотическую мозаику, фрагменты которой происходят из разных комплектов.

Мефистофель, который выглядит, словно подтанцовщик какой-то блэк-метал группы из числа воскресных сатанистов, превратился в собственную карикатуру.

В то же время, в нескольких сценах (например, проклятие Маргариты) к нему отнеслись очень серьезно, в двух сценах он выступает, как священный, а в финале оперы восстает, как Христос. Коротко говоря: интересная, но

Идея о качественном изменении реальности после заключения соглашения, о котором в программке заявляет Семпер, на мой взгляд, не реализована: церковь не превращается в кабаре, просто кабаре приходит в церковь (к тому же точка зрения Фауста здесь не так уж важна; а если бы и была важна, то в самом зародыше убила бы остальную драму).

Поскольку все пространство сцены — видимо, и ресурс — отдано картине церкви, то почти половина сцен поставлена на фоне ни о чем не говорящих и не имеющих никаких обобщающих характеристик мест авансцены, появляющихся в результате вращения сцены (за исключением тюремной картины). Полагаю, что и картина Вальпургиевой ночи не была включена, скорее, по экономическим, чем художественным соображениям.

Семиотический хаос

Порожденную оформлением сцены статику Бертман и Семпер попытались преодолеть при помощи костюмов, в случае с которыми относительно точно соответствующие эпохе решения в эклектичной оргии смешались с набросками, рожденными свободным полетом фантазии.

Именно в этом явно проступает то, что Бертман и Семпер ставили каждый характер и каждую сцену отдельно, либо не желая, либо будучи не в состоянии видеть целое.

Из-за этого в произведении возникает слишком много слоев со значениями, между которыми не происходит какого-либо диалога.

Постановка швыряет в сознание публики знаки политического, религиозного и поп-культурно происхождения, но не дает кода ни для их толкования, ни — что еще важнее — для их соединения. Новый «Фауст» театра «Эстония» в постановочном плане являет собой некую семиотическую мозаику, фрагменты которой происходят из разных комплектов.

Мефистофель, который выглядит, словно подтанцовщик какой-то блэк-метал группы из числа воскресных сатанистов, превратился в собственную карикатуру.

В то же время, в нескольких сценах (например, проклятие Маргариты) к нему отнеслись очень серьезно, в двух сценах он выступает, как священник, а в финале оперы восстает, как Христос. Коротко говоря: интересная, но совершенно бесхребетная зарисовка характера.

С Фаустом, который в этой опере на самом деле является отнюдь не самым важным героем, постановщики ничего не сумели сделать.

И хотя он сам принимает все решения, выглядит при этом, скорее, объектом событий, а не субъектом. Маргарита символизирует непорочность и наивность, но во многом из-за тотально переигранной роли Зибеля она вместе с Фаустом полностью выпадает из ансамбля.

Из маленькой роли Зибеля Бертман и Семпер сделали клоуна-гермафродита, обрамляющего всю постановку. Он переходит из одной сцены в другую и, пользуясь в основном пантомимой, с ироничной дистанции визуализирует и комментирует партитуру, разрушая тем самым несколько лирических сцен.

Самый человечный и интересный характер — это брат Маргариты Валентин, четкая линия поведения, идеализм и смерть которого делают его главным героем трагедии. Эту позицию, несмотря на остальную семиотическую какофонию, поддерживает и постановка «Эстонии» вместе с рекламным плакатом.

Рауно Эльп, исполнивший на премьере партию Валентина, показал как в плане вокала, так и актерской техники, характерный ролевой рисунок, в котором физиологичность и лиричность гармонично слились воедино.

Музыкальная удача

Ансамбль солистов на премьере был равно сильным. Вместе с гостями, Люком Робертом (Фауст) и Анне Вик Ларссен (Маргарита), наряду с Эльпом запомнились также Хелен Локута (Зибель), Прийт Волмер (Мефистофель) и Март Лаур (Вагнер). Хор звучал точно, молодо и мощно.

Самые сильные впечатления подарил музицировавший под управлением новоиспеченного главного дирижера Велло Пяхна оркестр театра, который прекрасно исполнил и бравурное forte в сцене кабаре, и piano в сверхмедленном темпе лирических сцен, и ни на миг не перекрывал голоса солистов.

С балетной группой, хором и солистами (особенно с ролью Зибеля) отлично поработал хореограф Эдвальд Смирнов.

Для театра «Эстония» «Фауст» в музыкальном плане является большой удачей, в постановочном плане следовало бы оценить значимость эксперимента, желание и смелость делать по-другому. Кроме того, не исключено, что где-то найдется (помимо самих постановщиков, я надеюсь) кто-то, кто сумеет собрать эту мозаику воедино. Я готов заплатить за билет в партере, чтобы встретиться с таким человеком.

РЕЦЕНЗИЯ

Шарль Гуно «Фауст»

Постановщик: Дмитрий Бертман

Художник: Эне-Лийс Семпер

Дирижер: Велло Пяхн

Хореограф: Эдвальд Смирнов

Премьера в театре «Эстония»

состоялась 20 сентября